

сближение лит. (стар.) *skrieliiai* мн. 'крылья': польск. *skrzydle* pl. t. 'жабры, плавники', с.-хорв. диал. *krèlja* 'жабры'. А. Сабаляускас («О происхождении лит. *šėrnas*», вып. 2, стр. 162—163) связывает лит. *šėrnas* 'дикий кабан' с лит. *šerŷs* 'щетина'.

Второй выпуск тома посвящен в немалой степени балтийской ономастике и ономастической этимологии: Б. С а в у к и н а с. К проблеме западно-балтийского субстрата в юго-западной Литве (стр. 165 сл.); К. К у з а в и н и с. *Etymologica*, I. К вопросу о происхождении балтийских этнонимов; II. Этимологические заметки о балт. *el-/al-* 'течь' (стр. 177 сл.); А. В а н а г а с. Относительно образования и происхождения местного названия *Labgavà* (стр. 185 сл.).

Особенно заметной публикацией такого рода является статья В. Н. Топорова «К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы» (вып. 2, стр. 103 и сл.). Работа Топорова посвящена переинтерпретации старой топонимии от Поморья до Гольштейна. Автор полагает возможным говорить о значительности балтийского элемента в местных названиях этих территорий. Названия, которые в равной мере могут считаться и балтийскими и славянскими, Топоров относит к балто-славянскому топонимическому фонду, высказывая тут же свою интересную точку зрения о языковой стороне этой проблемы. Последние десятилетия явились свидетелями того, как районы древней балтийской топонимии были распространены к востоку от Днепра, до Оки, на юго-восток — за Десну и Припять. На юго-запад зона более или менее однородных топонимов прослеживается от Прибалтики до Адриатики (работы Краз, Топорова и др.). Теперь, как видим, зона распространения балтийского элемента расширяется и в западном направлении — до низовьев Эльбы. Это, пожалуй, превосходит по масштабам поиски древнего ареала иллирийских элементов, который в свое время мыслился очень широко, пока Краз не выступил с указанием, что многое фигурирующее в литературе под маркой иллирийского надлежит отнести к еще не дифференцированному в языковом отношении слою древнеевропейской гидронимии. Видимо, те же ограничения полезно иметь в виду и в случае с древнебалтийским топонимическим ареалом. Новые топонимические сближения в настоящей статье Топорова заслуживают внимательного изучения. Они, бесспорно, углубляют разработку вопроса, проведенную некоторыми предшественниками (прежде всего Г. Шаллем), и лишь в некоторой части ослабляются несовершенством письменной фиксации сравниваемых названий. Отдельные случаи могут вызвать споры, ср. *Stobno, Stobeno, Stobene, Stoben, Stuben, Stobeniz* (в эльбско-прибалтийской топонимии Германии), сближаемое с др.-прусс. *Stabayen, Stabingen*, далее — с апеллятивом др.-прусс. *stabis* 'камень'. Нельзя тут не вспомнить старых славянских гидронимов вроде (лог) *Стобной*, бассейн Дона, *Стебник* (по Днестру), *Izdebne* (по Висле), наконец, *Избец* (на Днестре), которые могут быть более органически связаны с приведенными выше славянскими топонимами Северной Германии, чем локальные балтийские производные от западнобалтийского названия камня. *Wocnizia, Wocniza*, полаб. *Wakenitz*, сближаемое Топоровым с др.-прусс. *Wachenn*, давно удовлетворительно объяснено как целиком славянское название, тождественное, например, польскому *Oknica* в западной Польше.

О. Н. Трубачев

Wanda Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej.

Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, 357 стр.

Монография В. Будзишевской служит закономерным продолжением ряда работ славистов польской школы, посвященным выявлению состава праславянского словаря. Цель работы автора — показать связи между с

дельными славянскими языками и целыми группами славянских языков на материале столь существенной группы словаря, как лексика, относящаяся к живой природе. Этот лексический пласт включает в себя такие значительные разделы, как названия частей тела человека и животного, названия животных (домашних и диких), птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся и названия растений (дикорастущих и культурных).

В своем исследовании автор почти не затрагивает вопросов этимологии. Она привлекает очень обширный и тщательно подобранный материал, расположенный в виде ряда словарных статей, в которых указываются морфологические, словообразовательные и семантические особенности того или иного слова в разных славянских языках и географические границы его распространения.

В. Будзишевская не пользуется методом реконструкции. В основу словаря положена польская лексика, в случае же отсутствия той или иной лексики в польском языке в качестве заглавного ставится слово любого другого славянского языка. Весь рассматриваемый автором материал представляет большую ценность, так как его широко привлекаются диалектные и исторические данные разных славянских языков, уточняются границы распространения большого числа образований.

В выводах, сделанных в конце работы, автор касается ряда проблем, но преимущественное внимание уделено связям славянских языков в области рассмотренной группы лексики. На основании лексических данных Будзишевская дает иное членение славянских языков: она считает древнейшим деление языков на западные и восточные, причем в группу западных входят западнославянские языки, сербохорватский и словенский, в восточную группу — все восточнославянские и болгарский. Подробно рассматривая разные хронологические пласты и разные межъязыковые контакты, автор указывает на древние связи восточнославянских языков с южнославянскими, на специфические отношения западнославянских языков и словенского, на древние контакты русско-польские и почти полное отсутствие русско-словацких и т. д. При рассмотрении любых форм связи автором конструктивно применяется метод выделения общих архаизмов и совместных инноваций, возникших в результате территориального сближения в тот или иной период.

Не менее любопытны и выводы культурно-исторического характера, указания на устойчивость лексики, обозначающей диких и домашних животных, лиственные деревья, культурные растения, что, по мнению автора, говорит о высоком уровне животноводства и земледелия в праславянскую эпоху. В то же время указывается относительно малое число общеславянских названий птиц, насекомых, червей, пресмыкающихся, грибов.

Работа В. Будзишевской — фундаментальное исследование, выводы которого могут быть скорректированы аналогичными работами, охватывающими иные пласты лексики.

Мелкие погрешности, касающиеся, в частности, материалов русского языка, могут быть в какой-то степени отнесены за счет неразработанности русской диалектной лексикографии. Так, автор ошибочно считает чешско-словацко-южнославянской инновацией название щавеля от слова *кислый* (стр. 305). Слово *кислица* 'щавель' распространено во всей группе севернорусских говоров; *ягода* в значении 'земляника' встречается во многих пунктах восточнославянской территории; слово *мышь* (мужского рода) характерно не только для сербохорватского языка (стр. 9), но и для значительной части русских говоров. В ряде случаев автор приписывает русскому языку церковнославянизмы: *зрачок* (стр. 20), *вездь* (стр. 20), *облик* (стр. 21), *злак* (стр. 168), *плевел* (стр. 170) и др.

Если в тексте автор не пользуется реконструкцией, это оправдано тем, что заранее не навязывается вывод о принадлежности той или иной лексики праславянскому словарю. Но в выводах, где вычленяется праславянский фонд (стр. 295—296), правомерно было бы его представить в реконструированной форме.

В. А. Меркулова